

Александр СМЫШЛЯЕВ

ЗА ТЕХ, КТО В ПОЛЕ, или СТОЛ ПИСАТЕЛЯ ВЛАДИМИРА ВЛАСОВА

1

Замело, занесло снегом мою Фёдоровку. Здесь, в северных отрогах Кузнецкого Алатау, снега выпадают такие, что уже в декабре застрявший трактор не откапаешь, а в январе вообще не найдёшь. А уж буровую вышку перевезти на новую точку – это долговременная, почти боевая операция и настоящий героизм.

Фёдоровка – временный посёлок геологоразведчиков. У меня, начальника партии, свой рубленый дом – небольшой, в одну комнату и два окна, но с настоящей кирпичной печкой и просторной верандой, полной берёзовых дров. Зимой не хочу.

У окна, что напротив жаркой печи, стоит самодельный обеденный стол, примитивный, полевой, я сам его соорудил как смог. Зато у другого окна, возле кровати, стол настоящий, фабричный, хотя и без изысков, самый дешёвый, с прямыми ножками. Я горжусь этим столом и всякому гостю непременно похвастаюсь, что до меня стол принадлежал начальнику соседней партии геологу и писателю Владимиру Аскольдовичу Власову. И как он мне достался, тоже расскажу.

Это произошло в 1980 году. Мы разбирали строения посёлка Каным, чтобы из этих брёвен и досок достроить свой посёлок, Фёдоровку. Это дешевле, чем строить из новых материалов, да и тайга остаётся нетронутой, поэтому геологи зачастую так делали. Я, как начальник Фёдоровской партии, поехал в Каным лично, чтобы вынуть дом для разборки.

– А вот это – дом начальника Канымской партии писателя Власова, – говорит мне водитель одной из наших машин, который и раньше приезжал сюда, в Каным.

Но я и сам знаю, что это бывший дом Владимира Аскольдовича Власова, потому что тоже бывал в Канyme, прилетал за взрывчаткой, правда, самого Власова здесь уже не застал, к тому времени он уволился и уехал. А на базе нашей Томь-Усинской экспедиции, в посёлке Камешок, что под Междуреченском, я его встречал и хорошо это помню.

Вообще-то он редко выбирался в Камешок. А если и бывал, то на людях почти не появлялся. Они были друзьями с начальником нашей экспедиции Петром Александровичем Коломийцем, вместе учились в геолого-разведочном техникуме, затем вместе работали в Горной Шории под Таштаголом, поэтому Власов оставался у Коломийца на даче, а это на дальней окраине посёлка Камешок, за вертолётным полем, на самом берегу Томи. По утрам они вместе приходили в контору на планёрку. Но я тогда был рядовым геологом, в контору мне ходить было незачем, наши партии размещались в здании камералки, поэтому Владимира Власова изредка встречал только на улице, мимоходом. Одет он был в полевой геологический костюм защитного цвета, чистый и даже, кажется, отглаженный по случаю прилёта на базу. На голове выцветший, блёклого стального цвета берет. Точно такой же, но коричневый, носил и Коломиец. На плече офицерская сумка-планшет, туго набитая деловыми бумагами и оттого толстая. И лёгкие туфли на ногах. Говорили, что ноги у Власова болят ещё с войны: он долго находился в плену у немцев и однажды, после очередного побега, попал в штрафную команду, на которой испытывали солдатскую обувь. Пленные часами ходили по плацу и по пересечённой местности, стаптывая сапоги или ботинки. За парой пару. До изнеможения. До кровавых мозолей. Позже Владимир Аскольдович напишет об этом в рассказе «Замкнутый круг». Наверное, поэтому по Камешку он ходил в лёгких туфлях, щадил ноги.

Меня поражал взгляд его очень светлых, почти прозрачных глубоких глаз. Всегда серьёзных. Глянет – как будто прожжёт.

– Здравствуйте, Владимир Аскольдович, – однажды насмелился я.

Тогда он и глянул на меня. Прожжёт. И серьёзно, без всякой улыбки ответил:

– Здравствуй, юноша.

И пошёл дальше. Не кричать же мне было: «Погодите! Я ж начинающий литератор! Я тоже

хочу стать писателем, я читал ваши рассказы! Поговорите со мной, познакомьтесь».

Но я не кричал. А он уходил. Я запомнил, что он назвал меня юношей. Сказал бы «молодой человек» или просто «здравствуй» – и это было бы обычно и привычно. А он сказал «юноша», хотя самому было только пятьдесят, а мне двадцать три. Но ведь он прошёл войну, плен, я для него не только юноша, а вообще пацан...

Когда мы столкнулись второй раз, он уже протянул мне руку. Тёплую, крепкую. Со мной был геолог Лёша Рябец, ему он тоже подал руку. И молча пошёл дальше.

– Власов! – восхищённо прошептал Лёша, который раньше меня приехал сюда работать, успел завести семью, поэтому знал больше моего.

– Власов – в Камешке! – объявил Лёша, когда мы с ним вернулись в кабинет нашей Сакво-ласской партии на первом этаже камералки. – Только что его встретили. Наверное, приехал отчёт сдавать.

– Нет, не отчёт: он увольняется, – отозвался наш начальник Пётр Федотович Лавренов. – Решил, что хватит с него. Да и литературе хочет полностью отдаться. Читали его книгу «Завтра связи не будет»?

Народ наш загалдел. Оказалось, что все что-то читали, в основном в журнале «Огни Кузбаса», все восхищены Власовым как коллегой и литератором, ведь пишет он про нас, геологов Кузнецкого Алатау и Горной Шории.

Постепенно шум возбуждённой камералки стал стихать, и тогда геолог Толик Туров, громко и таинственно засопев, открыл свой стол и извлёк небольшую книжку. Аккуратно положил её перед собой.

– Толя, это же книга Власова! – догадалась Катя Бич, получившая эту странную и очень геологическую фамилию от мужа, тоже геолога. – Почитываешь втихаря, ай-яй-яй!

Толя, не обращая внимания на слова Кати, показал нам обложку: «Владимир Власов. Завтра связи не будет». Затем открыл книгу, нашёл интересующую его страницу и, почему-то рассмеявшись, стал вслух читать:

– «Началась паника. Пассажиры заматались по палубе...» Нет, это дальше. – Толя водил пальцем по странице. – Ага, вот! «Схватив шляпу и планшет, Потехин пулей вылетел из трюма на палубу и рывкнул истинно командирским голосом: «Бабы, тихо!» Его несурзная фигура в белых подштанниках и соломенной шляпе воз-

вышалась на мешках с мукой, ярко освещённая солнцем. Из своего шикарного планшета он извлёк карту Советского Союза, вырванную из учебника географии для четвёртого класса начальной школы, и, окинув берега быстрым взглядом, ткнул пальцем в неё где-то между Уралом и Дальним Востоком. «Мы находимся здесь», – авторитетно заявил он притихшим бабам...» Ха-ха-ха! – Толик не выдержал и снова засмеялся. И дочитывал уже сквозь громкий смех: – «Это заявление... успокоило взволнованных пассажиров!»

– Ну-ка, ну-ка, я не понял, – потянулся к книге Лёша Рябец.

Но Толя сквозь смех повторял:

– Ткнул пальцем где-то между Уралом и Дальним Востоком! Ха-ха-ха! Какая точная карта!

И тогда засмеялись все.

– Шутник Власов, – только и мог сказать смеющийся начальник нашей партии Лавренов, а когда успокоился, добавил: – А ведь такую трудную молодость прожил – плен, побои, кровь...

– Не дай бог, – с ужасом прижала к груди сжатые кулачки Катя Бич. – Я читала его рассказы о немецком концлагере, это страшно.

– Да, жалко, что Владимир Аскольдович увольняется, – вздохнул я. – А ведь был совсем рядом! Геолог, писатель! Теперь не познакомьтесь, поздно.

И мы не только не познакомились, но больше и не увиделись. Вскоре стало известно, что Власов уехал. А вот куда, сказать никто не мог, даже Лавренов. А у Коломийца мы не спрашивали, слишком высокий для нас начальник. Кто-то предположил, что недалеко – в Новокузнецк, где жил его друг писатель Владимир Мазаев, который частенько гостил у него в партии, а некоторые полагали, что уехал на родину, в Донбасс.

Но позже выяснилось, что на пенсию Власов не ушёл, а, действительно, уехал в Новокузнецк и перевёлся на Алтай в одну из партий нашего же, Западно-Сибирского геологического управления. Вскоре вышла его книга «Кара-Тайга», и все мы читали её взахлёб, сожалея, что больше нет в нашей экспедиции этого замечательного геолога и писателя.

И вот я в Каньме, стою возле бывшего дома Владимира Аскольдовича Власова. Дом я решил не разбирать: рука не поднималась, хотя и брус (кажется, брус), и доски были почти свежими, таких в посёлке оказалось не так уж много. Зашёл внутрь. В доме никто не жил уже несколь-

ко лет, пахло плесенью. Кухня и комната. В углу комнаты стояла пустая панцирная кровать, а возле неё письменный стол, рядом стул с жёстким деревянным сиденьем и такой же спинкой. По полу разбросаны бумаги с выцветшими чернильными текстами. Полагая, что это могут быть рукописи, я поднял одну, другую. Нет, черновики отчётов, нарядов, радиограмм – всякий хлам.

Сел на стул перед столом. Мелькнула мысль: «А ведь за этим столом он писал не только по делу, но и свои повести и рассказы!» И тогда я решил стол и стул забрать.

Разбирали только веранды, потому что в первую очередь нужны были доски. Набили ими три «Урала». На одном из них сверху ехал стол и стул Власова. Но стул в дороге всё же потеряли, а стол благополучно приехал в Фёдоровку. И теперь стоял в моём доме.

Стол меня вдохновлял. Но пока только на наряды для рабочих. До этого процесс написания нарядов я растягивал на неделю, а тут составил их за два вечера. Арифмометр «Феликс» трещал в моих руках, как вертолётные лопасти, с огромной скоростью выдавая мне нужные числа хоть при делении, хоть при умножении. Следующей работой, написанной за столом, стал проект развития работ на Фёдоровском месторождении золота. Проект неофициальный, мой собственный. Я давно его обдумывал, вот сел и составил, а к нему начертил пару схем и карту.

В голове зрел сюжет повести «Мокрая Шория» о геологической жизни, и вот я сел за неё. «Ну, Владимир Аскольдыч, диктуй!» – шутил я про себя, садясь за бумагу. И он потихоньку мне диктовал. Но диктовал как-то неправильно, мне не нравилось, я рвал рукопись, бросал листы на растопку и начинал сначала. Наконец что-то пошло. Зато не пошло по работе.

Не заладились у меня отношения с начальником экспедиции Петром Александровичем Коломийцем. Я был начальником молодым, а партия серьёзной, с проходкой штольни, глубоких шурфов, канав, траншей, бурением скважин, и он решил сделать из меня настоящего руководителя. Но как он это делал! Рычал и швырял на пол все мои заявки, объяснительные, а то и наряды и даже мой проект развития работ на Фёдоровке. Всё не так, всё не этак.

– Вы хотя бы прочитайте проект, посмотрите, – уговаривал я.

– Да чего там читать! – сердито отмахивался Пётр Александрович. – У тебя для проектов есть

старший геолог Соловьёв и его ребята геологи! Пусть они пишут.

– Но я ведь тоже геолог!

– Ты начальник партии, руководитель.

Руководитель, а не геолог – вот в чём дело! И зачем я согласился пойти на эту должность?

Писатель Владимир Мазаев, предваряя книгу Власова «Завтра связи не будет», писал об авторе и привёл слова самого Власова о специфике работы начальника партии: «...когда тебя забрасывают самолётом к чёрту на кулички, дают полсотни человек, треть которых – бывшие уголовники, а у тебя в руках только печать, да рация, да наган с шестью патронами, и говорят: «Ставь разведку по всем правилам науки и техники», то что ты на это скажешь? Ты не начальник партии – ты снабженец, коммерсант, милиционер, лекарь, судья, бог и царь – кто хочешь, но только не геолог, и вся геология летит к чертям, и ты думаешь только о том, как завтра обеспечить людей хлебом, потому что у пьяницы завхоза последняя здоровая лошадь сломала ногу; или о том, что сделать, чтобы Сашка по прозвищу Клянусь Жизнью не привёл свою угрозу в исполнение и не поджёг кержацкую заимку...»

777
Это так похоже на мою ситуацию на Фёдоровке с поправкой на десять – пятнадцать лет. Но за эти годы в геологии и работе начальника партии почти ничего не поменялось. Конечно, чего ж меня было не ругать, если проходка той же штольни шла в день по чайной ложке. Зимой вообще закончилась соляра (а её запасли мало из-за нехватки рейсов автомашин) и для дизельной и компрессорной топливо возили вертолётными. Привезёт Ми-4 бак – на день хватает, а дальше простой, жди следующего вертолёта с баком. Это бесконечное дёрганье не давало работать, а проходчикам зарабатывать, и они увольнялись, найти же других было проблематично. Не хватало буровых штанг, и я вечно побирался на шахте «Распадская», выменивая их на тушёнку, заодно выпрашивая вентиляционный рукав и буровые наконечники, а однажды выпросил целый перфоратор и даже старый ресивер. Геология снабжалась инструментом плохо, а то и вообще не снабжалась. А виноват начальник партии. По партии – сердитые рыки вышестоящего руководства, на планёрках на базе экспедиции – постоянные устные выговоры, а дома – недовольство жены: «Зачем тебе это надо, жил бы спокойно в геологах».

В конце концов это мне надоело, я ушёл в отпуск с последующим увольнением и уехал работать на Камчатку, наугад, на самый её север, в Пенжинскую геолого-разведочную партию начальником горного отряда. А стол писателя Власова остался на Фёдоровке. Его новым хозяином стал другой начальник партии. Но ему он едва ли был нужен как бывший стол писателя. Хотя кто знает...

2

И опять вспоминаю 1975 год. Он памятный, потому что счастливый. Я, молодой специалист, попал на работу в хорошую, интересную партию, которая занималась специализированной съёмкой на радиоактивные элементы. Меня приняли старшим техником-геологом, дали горный отряд, и я начал не просто работать, а работать взахлёб, не уставая и даже не вылетая на базу. В тайге по вечерам, уединясь в палатке, утолял поэтическую жажду, исписывая стихами полевые книжки.

В том же году в «Роман-газете» вышел роман Олега Куваева «Территория», в Кемеровском книжном издательстве – повесть Владимира Власова «Кара-Тайга» и там же – книга поэм Геннадия Юрова «Долина в сентябре», поэтические тексты которой в чём-то перекликались с прозой Куваева. Узнав, что Геннадий Юров вернулся с колымских приисков, я узрел в нём родственную душу и послал ему свои стихи. Он отозвался, скупно похвалил мои сочинения и попросил прислать ещё, чтобы лучше меня понять. Но я опять уехал в поле, работы было много, тут погиб в шахте отчим, а я вскоре открыл урановое рудопроявление, назвал его в честь отчима Лоскутниковским и надолго зарылся в канавах и шурфах, лелея своё открытие. Юров моих стихов не дождался, наверное, плюнул и забыл. А я тем временем перешёл на прозу, вдруг поняв, что поэзия мне не даётся, в ней я не вырасту. Правда, позже, влюбившись в стихи Игоря Шкляревского, вновь переходил на рифмы, но постепенно всё же окончательно оставил эти опыты.

В сентябре 1975 года наша партия перебазировалась на голец Зелёный, вздыбившийся на самой границе Марининской тайги и Кузнецкого Алатау. На севере была река Кия, которую я исходил студентом на практиках, на юге – Нижняя Терсь. А мы стояли в самом верховье реки Саянзас, искали корундиты. Это не наш профиль, но нам навязали в качестве дополнительной работы – так часто бывало в геологии.

Лежу в спальнике, укутавшись с головой. Вставать не хочется: за палаткой непогода. Тёплые красивые мечты пеленают мозг молодого холостяка. Юные девичьи лица кружат передо мной. Девушки тянут руки, смеются, зовут, плачут, но меня ничего не трогает. Мне 23 года, я всё ещё вспоминаю ту одну, с которой мечтал остаться на всю жизнь, но не получилось. Потом были другие увлечения, но уже только увлечения, почему-то до серьёзного так и не дошло, не зацепило. Может быть, рано ещё, придёт и моя очередь, зацепит. Вот и лежу мечтаю о какой-то отвлечённой девушке с лицами нескольких.

Из мыслей вернули тяжёлые шаги за палаткой. А вскоре внутрь грузно протиснулся наш шеф – начальник партии Лавренов. Пришёл на радиосвязь. Шурша плащ-накидкой, сел на край моих нар, напротив Толика Турова, который сразу зашевелился, зашарил руками в изголовье в поисках очков.

Шеф сразу начал с высоких нот:

– Анатолий Витальевич, ну что это за бардак на радиостанции! Всё раскидано, какие-то посторонние вещи лежат, свечкой накапано. Насвинячил на рации!

Нотки стали даже угрожающими. Толя уже не просто проснулся, а лежал и громко сопел, придумывая, что ответить шефу примерно в том же тоне. Толя это иногда умел, но чаще молчал. Промолчал и на этот раз.

А шеф не унимался:

– Я никогда ничего на рации не держу. Ты понял меня? Надо убрать!

– Понял, уберу, – наконец-то промямлил обескураженный Толя и начал судорожными движениями включать рацию.

Вскоре в палатку ворвался пустой шум эфира.

– Проспали! Проспали! – запаниковал Лавренов.

Но Толя подстроил ручку, и голос Максимыча, нашего радиста из Камешка, стал вызывать корреспондентов на связь:

– «Русак-21» вызывает «Русака-27»!

– Отвечай, отвечай! – нетерпеливо толкал Толика шеф своей крупной рукой.

Толик нервничал, получалось у него плохо, ответил невпопад, к тому же забыл нажать тангенту микрофона. Радист вызвал нас ещё раз. Наконец Толя ответил. Максимыч стал что-то говорить, но пошли шумы, мы ничего не могли разобрать. Шеф психовал, заставлял Толю переспрашивать ещё и ещё раз. Наконец поняли, что

нам втолковывают: «Номер вашего склада взрывчатых веществ – три. Временный расходный склад – номер три!»

– Александр Александрович, ты понял? – спросил меня шеф.

Я кивнул:

– Понял.

На этот раз я исполняю обязанности горного мастера, поэтому взрывчатка и взрывные работы на мне. Хотя от геологической работы меня тоже никто не освобождал.

Шеф ушёл. Толик с большим облегчением выключил рацию и тут же перевернулся на другой бок, чтобы поспать ещё. А я вылез из спального и оделся. Пора было выходить в мир.

А мир лежал в плотном сыром тумане, уменьшившись до двадцати метров. Виднелись только ближние пихты, остальные постепенно таяли в тумане, исчезали, выставляя на обозрение лишь одиночную лапку, ветку или вершинку. Ветер умудрялся на мгновение всколыхнуть белое покрывало, сорвать его с деревьев, показать их в большем пространстве, но рваные белые клочья опять смыкались, закрывая всё и вся. Морозящая влага студила тело, но не раздражала его, а, наоборот, бодрила, оживляла.

Горняки собрались на работу, полагая, что к обеду распогодится. Я выдал им взрывчатку, и они ушли.

Вчера наш неугомонный шеф нашёл-таки в Саянзасе несколько глыб корундитов. Причём по реке от глыбы к глыбе ходили мы все, обстукивая молотками каждый подозрительный камень. Но нашёл именно шеф – старый, опытный поисковик, лис таёжный!

Работавший здесь до нас геолог Еланской экспедиции Огнев отметил в аллювии реки Саянзас глыбы корундитов, и теперь отыскиали их и мы. Оставалось найти корундиты в коренном залегании. Втроём – шеф, Туров и я – пошли вверх по реке, обстукивая камни. Теперь мы знали внешний вид корундитов, поэтому найти другие глыбы было легче. Вот ещё одна! А там вторая, третья, пятая! Они и звенели под молотком по особенному. А уж расколоть их оказалось вообще сложно, настолько они были вязкими, плотными. Чем дальше мы поднимались, тем крупнее и неокатаннее становились эти валуны. И вдруг исчезли, перестали попадаться.

– Заметили высокую скалу на левом берегу, после которой корундиты уже не встречались? – спросил нас шеф на перекуре.

Мы с Толиком согласно кивнули: заметили.

– Скорее всего – там! – сделал вывод Лавренов. В нём тотчас загорелся азарт. – Пошли назад!

Мы вернулись к этой небольшой скале и внимательно осмотрели всю её обнажённую часть. Она была сложена дунитами зеленовато-серого цвета, но с признаками метаморфизации, то есть изменений. А под скалой, в воде, целый свал корундитов вперемешку с дунитами!

– Здесь они, здесь! – по-детски радовался Толик Туров.

– От нас не уйти! Правда же, Александр Александрович? – приговаривал и шеф, дробя скалу кувалдочкой, а не молотком.

Он словно знал характер корундитов и схватил с собой небольшую кувалду.

– Есть! – вскрикнул я, увидев под своим молотком ту же голубовато-серую породу, что и в глыбах корундитов. – Лиственит!

– Скорее березит. – Подошедший шеф взял осколок в руки, взгляделся в него. – Вот и сульфидики. А это что? Гранат! Да, есть! Ну, ребята, они близко! Надо прямо через всю скалу сделать на взрыв расчистку. Александр Александрович, завтра же!

– Ура! Есть! – закричал Толя с другого края скалы. – Есть изменённая порода! А гранатов в ней, гранатов! Саныч, видел гранат?

– Да видел, Толя, видел! У нас их здесь тоже полно. Похоже, и корунды есть, вот они, голубоватые. Иди сюда!

Так, возбуждённые и радостные, мы перекивались ещё с час, буквально на животах оползая всю скалку, чуть ли не облизывая её.

– Хватит, парни! – смеялся счастливый Лавренов. – Хватит крушить скалу, надо что-то и для промышленности оставить, ведь для неё стараемся!

Мы ещё долго примеривались, где задать выработки, чтобы вскрыть коренные корундиты наверняка. Подошли и горняки.

– Будет работка – сплошная скала, – чесал затылок студент-проходчик Шура Котов.

– Не один лом здесь разобьём, не одно кайло расквасим, – вторил ему Николай Гудков.

– Да и воды будет много, затопит канавы, – добавил опытный горняк Сулейманов.

Рядом тяжко вздыхали остальные проходчики, жалостливо разглядывая мозолистые, разбитые работой руки.

Это было вчера, а сегодня горняки понесли туда взрывчатку. Сейчас отправлюсь к скале и я, надо только быстро позавтракать.

И вот бегу по свеженатоптанной тропинке вниз, к той самой скалке. Вскоре за непрозрачной стеной тумана слышу стук кувалд о ломики. Это горняки вручную пробивают шпур для взрывчатки. Дробь ударов всё ближе, и вот уже выхожу прямо к обнажению. Здесь работают пока трое: Котов, Гудков и Дружин. Как и разметил вчера шеф, канава получается в виде перевёрнутой на склоне буквы «Т». Вертикальная «палочка» буквы досталась Гудкову, а ниже поперёк склона копают Дружин и Шура Котов. Остальные горняки пробуют поймать корундиты на другом берегу реки.

– Топит, Саныч, – жалуется верхний Гудков, – выше-то сплошное болото.

Да, выше обнажения местность заболочена, это видно по густым зарослям ольхи, которая любит влагу. Теперь вся вода оттуда дренирует в наши выработки. Но у Гудкова канава расположена по склону, поэтому у него вода не задерживается и уходит к нижним горнякам, где и накапливается. Дружин и Котов стоят уже по колено в воде.

Через час сплошной долбёжки шпур готов. Пришёл взрывник Фёдор Дудолоадов, стал заряжать. Мы все уходим вверх по склону, прячемся за стволами деревьев. Рвануло так, что казалось, гольцы вокруг затряслись, а туман изорвало в клочья и вместе с травой и кусочками земли развесило по пихтовым веткам.

Подходим к канавам. Взрыв удался, углубка неплохая, зато вся нижняя канава Котова и Дружина доверху завалена обломками из канавы Гудкова.

– Иди убирай свои каменюки, – шутит Шура, глядя на Гудкова.

Тот принимает это всерьёз, отмахивается:

– Пошёл ты! Пусть взрывник убирает, коль не умеет правильно взрыв направлять.

Горняки принялись расчищать завалы в канавах, а я взял кувалду и начал крошить изменённые породы, которые валялись теперь повсюду. Интересно было хоть за что-то зацепиться, увидеть контакт корундитов с вмещающими породами. Неужели эти крепкие корундиты лежат в таких слабых, выветрелых сланцах? И что это за сланцы: бывшие дуниты, серпентиниты, габбро, габбродиориты?

Подошёл шеф, присел возле меня. Но в это время с другого берега Саянзаса послышались два протяжных предупредительных свистка взрывника.

– Уйдём, товарищи! – заторопился шеф, обращаясь ко мне и горнякам.

– Да ну, – успокоил его Николай Гудков, – далеко, метров сто. До нас не долетит.

Лавренов недоверчиво хмыкнул, но остался. Вскоре раздался взрыв. В небе засвистели обломки камней. Один из них набрал большую высоту и со свистом, напоминая звук лёта мины, стал падать прямо на шефа.

– Берегись! – крикнул шеф, низко наклонил голову, а затем шмыгнул в канаву, где и залёг, как в воронке, накрывшись полевой сумкой.

Здоровый камень шлёпнулся в полуметре от того места, где он только что стоял.

– Нет, так не пойдёт! – разгорячился шеф, вылезая из укрытия. – Если не будете прятаться, запрещаю взрывные работы к чёртовой матери! Уходить надо метров за двести! Так точно когонибудь убьёт. Александр Александрович, ты должен следить за этим делом. Только в моём или твоём присутствии должны взрывать, пока не убедимся, что все укрылись.

Постепенно страсти улеглись. Горняки зачистили свои забои, и мы все вместе, посоветовавшись с Дудолоадовым, решили, что на этот раз взорвём мелкими накладными зарядами, уложив аммонит в выбоины в породе.

Теперь ушли от места взрыва далеко, почти в лагерь. Шеф был серьёзен и неумолим. После взрыва почти побежали к канавам: не терпелось посмотреть результат. Горняки взяли за лопаты, стали выбрасывать обломки. Мы с Лавреновым ждали. И дождались! У Котова и Дружина прямо на сбойке канав оказалась полуметровая по ширине залежь корундитов. Мы с шефом прыгнули туда, принялись колотить их молотками. Да, те самые корундиты, обломки которых мы находили в реке. А на контактах развилась прозрачная, хрупкая, жирноватая на ощупь, чудесным образом раскристаллизовавшаяся в виде блестящих серебристых цветков слюда – маргарит!

– Корешки корундитов! – торжественно заключил шеф. – Итак, открыто Саянзасское проявление корундитов. А может быть, и месторождение! Кто знает, кто знает...

И сразу же хлестанул дождь. Мы вместе с горняками побежали под густые разлапистые пихты.

– От взрывов бы так бежали, – заметил Лавренов, сидя на мягкой лесной подстилке под деревом.

И ухмылка на его лице была такой довольной...

Да, счастливый был 1975 год. За ним – 1976-й, когда я открыл Лоскутниковское рудопроявление урана, затем 1977-й – командировка в Якутию, на северную реку Яну, снова работа на Лоскутниках и в низовье Чёрной Усы. В 1978 году – реки Томь, Бельсу, Теба и Чарыш. А вскоре и Фёдоровка. И так полетели (именно полетели, не удержав) год за годом в любимой геологии.

Но работа шла параллельно с литературным творчеством, я уже писал, хотя до поры не публиковался, боялся прослыть графоманом. Это слово пугало, а своих творческих возможностей я не знал, поэтому только читал, то и дело натываясь в региональном журнале «Огни Кузбасса» на знакомые имена Владимира Власова, Геннадия Юрова, Владимира Мазаева, Сергея Донбая, Степана Торбокова, Михаила Небогатов. Читал и мечтал встать в этот манящий ряд.

В 1979 году в Кемерове вышла следующая книга Владимира Власова – «Техник Валька, Мерзавец и другие». И у меня окончательно сложилось мнение о Власове как о хорошем, именно моём писателе. Пусть не из первого ряда, но, похоже, он к этому и не стремился. Для него, я думаю, было важнее оставаться сначала геологом, а затем писать книги. У Олега Куваева сложилось наоборот: он был одержим творчеством, пожертвовал всем ради литературы – и геологией, и семейным бытом. Это индивидуально, у каждого по-своему. Но Власова я читать люблю и то и дело возвращаюсь к его книгам.

3

Здесь я должен привести одну важную цитату из повести Владимира Власова «Кара-Тайга»:

«Серые облака спустились, окутали вершину Кара-Тайги. Сумерки сгущались. Опасливо поглядывая на небо, человек записал [в полевом дневнике] последнюю фразу крупными буквами: «В центральной и западной части обнажения наблюдаются крупные шлировые выделения титаномагнетита размером до 5–6 сантиметров в виде пятен неправильной формы, не имеющих чётких границ. Считаю, что в общем весь выход – титаномагнетитовая руда». Торопясь, перенёс к кедру завёрнутые в обёрточную бумагу пробы, сложил их кучкой, определил на глаз: «Всё в рюкзак не влезет». Безжалостно вытряхнул из него всё, потом уложил образцы и пробы породы, сверху втиснул банку консервов и кусок хлеба. Сидя, надел на плечи широкие просторченные ремни и с трудом встал.

Спустившись на несколько шагов вниз по склону, он неожиданно повернул назад, озорно подмигнул и сказал: «Вспомним, ребята, Джека Лондона!»

Несколькими сильными ударами маленького острого топора человек сделал на сухом кедре широкий затёс и, смочив слюной палочку сухой туши, размашисто написал: «Саблин Л. М. 21/III-1965 г.».

Не смог герой Владимира Власова, геолог, таёжный бродяга, без озорства, без Джека Лондона в голове, хотя и не озорство это, а нормальная практика первопроходцев – оставлять подобные надписи на затёсах, столбить своё открытие, но восхищает именно то, что геолог подумал при этом о Джеке Лондоне – лучшем друге всех романтиков на свете.

И сегодня даже те, кто мало читают, знают имя Джека Лондона. И наверняка слышали, если не читали, о его повести «Белый Клык». Моё поколениезнакомилось с книгами Джека Лондона ещё в юности, если не раньше. А потом его сочинения сопровождали нас всю жизнь. Герой Владимира Власова геолог Саблин немногим старше моего поколения, поэтому, естественно, хорошо знал произведения великого американца.

178

Читая другую повесть Владимира Власова – «Осечка», отчётливо слышишь джек-лондонские нотки. Да, писатели разные, величины разные, но всё равно они оба писатели, их объединяет романтический настрой и любовь к «собачьей» теме. Отчасти объединяет и авторская интонация «Осечки» Власова и «Белого Клыка» Лондона (в переводе с английского Н. Волжиной). Думаю, загадки здесь нет, Владимир Власов читал Джека Лондона, мы в этом убедились выше, а потому, начав писать «Осечку» – повесть о собаке и приключениях, невольно подражал американцу. Могу и ошибаться, но ритм текстов уж очень похож. Сравните.

«Пока благородный красавец Норд вежливо здоровался с Осечкой и рассказывал последние собачьи новости, на берегу разгорелся спор. Люди кричали и размахивали руками. Потом разогли большой костёр...» Это Владимир Власов.

«Белый Клык никогда ещё не видел собак, но сразу почувствовал, что они мало чем отличаются от его собственной породы. Учувя волчонка и его мать, собаки сейчас же доказали, как незначительна эта разница. Началась свалка...» Это Джек Лондон.

Вчитайтесь, вслушайтесь: такт один, напев фразы одинаков. Сколько угодно я могу привести здесь примеров-сравнений из повестей этих авторов, и все они будут такими же похожими. Может быть, любой пишущий о дикой природе, собаках и волках придерживается подобной интонации и такого же ритма при построении предложений? Посмотрим на текст писателя Радмира Коренева, которого называют «камчатским Джеком Лондоном». Из его повести «Собаки-волки»: «Дик сидел как вкопанный, но вдруг оцетинился и пошёл на Чингиза. Такой же рослый, чуть длиннее, он нервно подёргивал верхней губой, и длинные острые клыки его сверкали белой эмалью...»

Ведь тоже похоже. Или это ни о чём не говорит, а только подтверждает мастерство авторов, умеющих понятно и красиво строить фразы?

Пусть так, это всё равно не мешает мне, читая «Осечку» Владимира Власова, находить ассоциации с Джеком Лондоном. А теперь ещё и с Радмиром Кореневым – ровесником Власова, ныне здравствующим писателем с Камчатки. Совсем недавно у него вышла свежая книга «Море. Тундра. Собаки». Это в 92 года!

Белый Клык у Джека Лондона – на три четверти волк, Осечка у Владимира Власова – обыкновенная собака, к тому же смешанных пород. Но как похожи их судьбы! В какие трагические приключения пускают их авторы! Как чисты и благородны собачьи поступки, их любовь к людям! Писатели сумели показать такие взаимоотношения человека и собаки, которым поневоле позавидуешь и много раз подумаешь, не завести ли лохматого друга.

Правда, у Джека Лондона главным героем повести является именно Белый Клык, за его жизнью бежит перо писателя, через его поступки и собачьи мысли, переживания автор рассматривает и описывает людей, тогда как у Владимира Власова главных героев всё-таки два: хозяин Осечки геолог Иван Алексеевич Колокольчиков и сама собака. Они выступают в повести практически на равных, поэтому их дружба и верность друг другу настолько выпукло и достоверно описаны, что читатель готов за сердце хвататься, когда хозяин в стремлении спасти жизнь близкого человека, беременной жены, умирающей от голода и холода, целится в свою любимицу Осечку и только чудо спасает её. И Осечка в любви своей прощает хозяину это. Просто она всё понимает. И недаром среди людей, неожиданно пришедших на помощь погибающим в пустынных заснеженных

гольцах геологам супругам Колокольчиковым, оказался и сын Осечки, молодой пёс Норд, а в утробе жены Колокольчикова созревал их ребёнок. Только сын Осечки уже взрослый красавец, а у хозяина ещё никто не родился, и эту неродившуюся жизнь надо было спасти вместе с вынашивающей её матерью. Спасать, забрав жизнь верной собаки, другого варианта уже не оставалось: они погибали. Осечка это понимала, а потому простила. Это самое сильное место повести, наверняка не одна слеза пролилась при прочтении. Автор намеренно именно таким эпизодом усилил концовку, чтобы читатель ещё раз убедился в крепости дружбы, верности и понимании между человеком и собакой. Между людьми такого не бывает, между собаками тоже, а вот между человеком и собакой – да. И главная в этом понимании, в этой безоглядной любви и преданности – собака.

Жизнь полевого геолога редко обходится без хорошей собаки. И не только геолога, а любого бродяги, исследователя природы, изыскателя и, конечно, охотника. Достаточно вспомнить Кучума у геодезиста и писателя Григория Федосеева. Он один из главных героев его увлекательных книг, полных романтики и трудового героизма. И у меня был в Кузнецком Алатау, на Фёдоровке, красивый пёс Урман, который также прожил недолго и погиб, как и Кучум, в тайге.

Но «собачья» тема – это частность, хотя и немаловажная. Для меня сила и притягательность творчества Владимира Власова, конечно же, в его геологической теме. Многие писали о геологах, но немногие описали их работу правдиво, со знанием дела. Власову это удалось, что немудрено при его большом полевом производственном опыте. И мне хочется его читать. И не только потому, что писал он о Кузнецком Алатау и Горной Шории, где девять лет отработал и я. И не потому, что я пусть и мельком, но встречал его в жизни. Он задел правдой, пусть несколько пафосным, но всё же неприукрашенным героизмом, описанием настоящих мужских поступков. И теплотой человечности по отношению к своим героям.

Главной своей книгой он наверняка считал повесть «Кара-Тайга», из неё я и взял первую цитату. На первый взгляд, это сугубо производственная проза, повесть о рабочих буднях геологов-работяг, всё в ней построено на коллизиях, обусловленных работой геолого-разведочной партии, с непременным преодолением трудно-

стей и непонимания вышестоящего начальства. Людей крепко испытывает работа и долг перед ней, но шаг за шагом люди приближаются к трудовой победе и побеждают! Такие сюжеты ценились и были востребованы в советской литературе. Сегодня они ушли в историю, так уже не пишут и вообще о человеке труда не пишут. Но Владимиру Власову при всём том, что производственной теме посвящена большая часть текста, удалось подняться над сугубо трудовыми буднями своих персонажей и показать их просто людьми, а некоторых и уникальными людьми.

Сначала автор описывает их скупыми штрихами, но постепенно открывает читателю глубину личности каждого. Так происходит с проходчиком Снегирёвым и его семейством – женой и сыновьями, которые всю жизнь скитаются по геолого-разведочным и старательским партиям с отцом, работают вместе с ним, «помогают», как они говорят. Рассказ об этой необычной семье украшает повесть, как украшает её и поучительная история о скупом кержаке, подпольном золотоискателе Бурчевском. Умягчает сердце история мальчика-сироты Димы Кадымаева, которого голод пригнал в партию, и Голубев определил его на конюшню, о чём ни разу не пожалел, потому что мальчик оказался толковым и работающим.

И, конечно, лучшие страницы повести отданы автором рабочему Семёну Матвееву по кличке Мухомор, разгильдяйство и неприкаянность которого при добром, человечном отношении к нему перерастают сначала в его обыкновенную, беззлобную браваду, а затем и это уходит и люди видят перед собой совсем другого человека – обиженного судьбой, но честного, верного и порядочного. Жаль, что он погибает от бандитской руки, такие тоже есть в партии, но смерть Семёна символична, она подчёркивает глубину проблем и сложностей в коллективе геолого-разведочной партии, стремление честных тружеников очистить коллектив от скверны и накипи, пусть и ценой жизни.

Всему этому веришь, зная, что автор находился среди тех людей. Повесть во многом автобиографична, недаром главного героя зовут Владимиром Андреевичем, а это так похоже на Владимира Аскольдовича. И с начальником экспедиции Хватовым главный герой учился в одной группе горного техникума, как и автор Владимир Власов был одноклассником начальника нашей экспедиции Коломийца. Конечно, Хватов – образ собирательный, но многие черты

Петра Александровича Коломийца угадываются в Хватове. С ним действительно было нелегко, он никогда не посещал подчинённые ему партии, руководя экспедицией по радию и посредством планёрок, бросая нас, начальников партий, зачастую молодых, один на один с трудностями, с нашими сложными коллективами, но требовал полной отдачи от нашей непростой работы. Требовал грозно. Поэтому я разругался с ним и уволился из экспедиции, уехав на Камчатку. Сдаётся мне, что и Власов покинул Каным из-за того же. Кто внимательно читал «Кара-Тайгу», особенно эпизод встречи Голубева с Хватовым, их разговор, тот меня поймёт.

«Кара-Тайга»... Как она напоминает мне мою Фёдоровку! Как похож на меня начальник партии Владимир Голубев или я на него! Как быстро заканчивается эйфория от открытия тобой нового перспективного рудопоявления и наваливаются проблемы при дальнейшей работе на этом проявлении! Владимир Власов это хорошо и точно описал. Молодой, начинающий геолог Леонид Саблин открыл рудопоявление титаномангнетита. Навьючив на себя тяжёлый рюкзак с образцами, он вернулся на базу партии, которая, по описанию автора, находилась в гольцах, где климат «как на Крайнем Севере, на месте работы невозможно вырастить даже картошку; людей туда привлечь нечем; опытные геологи и кадровые рабочие туда не идут; в настоящее время геологический состав – вчерашние студенты...» Исполнять обязанности начальника этой сложной во всех отношениях партии назначают первооткрывателя Леонида Саблина. Но вскоре в партию присылают нового начальника, утверждённого в управлении, геолога Владимира Голубева. Им вдвоём и суждено далее бороться за месторождение, производственные планы и сплочение коллектива. В итоге они становятся единомышленниками и друзьями. И концовка: «Люди упрямо идут каждый день на участок, чтобы вечером на рабочем плане месторождения обозначить условным знаком вскрытую руду. Всё больше и больше появляется на плане этих знаков и меньше остаётся белых пятен». Значит, героям Власова всё удалось.

В конце повести «Кара-Тайга» стоит дата и обозначены географические пункты её написания: «Новокузнецк – Большой Каным, 1970–1974 гг.». Впервые повесть издана в 1975 году.

Девятью годами ранее, в конце 1966-го, когда Власов ещё и не помышлял о литературном творчестве, к нему в Каным прилетал редактор многотиражной газеты Запсибгеологуправления Михаил Беркович. Много позже он написал воспоминания о встречах с писателем – «Большой Каным и Владимир Власов». Из этих воспоминаний, или рассказа, как обозначил жанр сам автор, можно узнать много интересного о Власове. Например, о том, что он любил охоту, что, в принципе, логично, ведь он геолог, полевик, таёжник. О рыбалке ничего не говорится, а вот Пётр Александрович Коломиец слыл заядлым рыбаком, он и погиб на рыбалке – сорвался в воду и утонул. Поведал Беркович и о характере Власова: «Человек он был законопослушный, тихий, неагрессивный...»

Многое прояснил и про фашистский плен: «Только исполнилось восемнадцать, когда призвали в армию и послали на фронт. Не обстрелянные ещё юнцы должны были пополнить какую-то войсковую часть, изрядно потрёпанную в оборонительных боях. Расквартировали в большом украинском селе, чтобы утром выдать оружие – и на передовую шагом марш! В результате неожиданной ночной атаки село попало в руки врага. Мальчишек взяли сонными. Так Володя Власов попал в плен. Два года провёл в Заксенхаузене. Не стану здесь описывать, через какие муки ему довелось пройти».

Эти муки описал Владимир Мазаев во вступительном слове к книге В. Власова «Завтра связи не будет»: «Днём он справлялся со своей памятью. А ночью вместе со сном возвращались кошмары. Каждую ночь он обречён был заново переживать то, что когда-то пережил наяву...»

В 1942 году Владимир Власов был призван в армию и стал бойцом только что сформированного в прифронтовой полосе батальона (жил он в Донбассе). Судьба батальона сложилась нелегко, его не успели вооружить, и он, оказавшись на пути внезапного прорыва немцев, был рассеян. Безоружные ребята попали в плен.

И началось для семнадцатилетнего Власова хождение по кругам фашистского ада: концлагеря Ростова, Таганрога, Бахольта, Кёльна. В Кёльне – рабочая команда завода, побег с группой товарищей. Перед самой границей Швейцарии, куда они хотели уйти, их поймали. Потом – военно-полевой суд, гестапо, приговор: пожизненная каторга. Потом тюрьмы Ахена, Дюссельдорфа, Ганновера и, наконец, печально знаменитый концлагерь Заксенхаузен под Берлином.

В апреле 1945 года, когда уже была слышна советская артиллерия, оставшихся в живых каторжников построили в колонны по тысяче и погнали в порт Любек, чтобы там погрузить на баржи и вместе с баржами утопить в море. Марш смертников длился десять дней. Слыша близкую канонаду, узники сделали последнее отчаянное усилие, перебили охрану и пошли на встречу канонаде».

Михаил Беркович: «И с того момента начались настоящие хождения по мукам. Он оказался виновным в том, что попал в плен, потому отвечал за это своё преступление едва ли не всю оставшуюся жизнь. В институт не приняли: был в плену... Володя поступил в техникум. На преддипломную практику послали в Западно-Сибирское геологоразведочное управление, где он осел до выхода на пенсию».

Ад в концлагерях Владимир Власов описал в нескольких своих рассказах.

Приведу выдержку из одного из них – «Замкнутого круга», он как раз повествует о нахождении в штрафной роте, где на пленных испытывали солдатскую обувь: «Норма – сорок кругов. Сорок кругов – сорок километров. На спине у каждого груз в тридцать два килограмма. Все штрафники похожи друг на друга неестественной худобой, обветренной задушной кожей лица и тёмными ямами глубоко запавших глаз. Полосатая одежда полностью обезличивает их. Только ботинки у всех разные: на кожаной и на резиновой подошве, мехом внутрь и мехом наружу, с подковками и без подколок. Каждая пара чем-нибудь отличается от остальных. Ботинки выдаются новые. Менять их нельзя. В конце месяца экспертная комиссия с обувных фабрик тщательно осматривает подошвы, каблуки, ранты, верх и шнуровку. Фиксируются все признаки износа, разрабатываются предложения и рекомендации по улучшению качества...»

Редкий человек оставался в живых, походив по этой дороге в течение трёх месяцев. Упавшие не поднимались. Их уносили в лагерный лазарет, предварительно сняв ботинки. Заключённого списывали...»

Владимир Власов остался живым. Он всё выдержал.

И вот Михаил Беркович у него в Канyme. «К вертолёту подошёл мужчина, выше среднего роста, в собачьих унтах и шапке-ушанке из меха нерпы».

157

Власов жил один, жена и дети прилетали к нему только летом. Гостя он поселил у себя. Они ели жареную картошку с мясом и пили водку. «Володя пил только водку и коньяк». Хозяин рассказывал о себе, Михаил Беркович записывал.

«Именно Власов привёл сюда сто двадцать человек, чтобы организовать на пустом месте геолого-разведочную партию. Перед высадкой столь мощного десанта состоялся рекогносцировочный вылет на местность. Вся верховная власть прилетела сюда: и сам Селятицкий (начальник управления), и главный инженер, и главный геолог управления, и начальник производственного отдела, и начальник экспедиции, в которую входила новая партия. Все они понимали, в какой ад суют Власова. Да он и сам это знал. Ни дорог, ни тропинок, вокруг на полсотни вёрст – ни единой души. С ним прилетят сюда «отборные кадры» (кроме геологов) – сплошь бомжи. Зато зверья вокруг! На одном километре пути Власов насчитал восемь берлог. Всё снабжение – только по воздуху...»

В принципе, все так начинают в геологии новые участки. Власов не был исключением. И, конечно, в отличие от журналиста Берковича не видел в этом героизма. Обыкновенная работа геолога, начальника новой партии.

И началась работа. Повесть «Кара-Тайга» 152 хорошо о ней рассказывает...

5

Ко мне на Фёдоровку летом, слава богу, добирались мощные ЗИЛы и «Уралы», но зимой – только вертолёты. Меня назначили сюда начальником в августе 1980 года. Партия существовала уже полгода, но войти в нормальный рабочий ритм не смогла. Обвинили начальника, Перина. Сняли. Вместо него назначили меня, двадцативосьмилетнего. Прилетев впервые на Фёдоровку, я увидел недостроенные столовую и рабочее общежитие; народ ютился в старых линялых палатках. Под большой одинокой берёзой в халабуде из досок и корья жила единственная буровая бригада. Еле живой бульдозер С-100 вгрызался в выветрелые до песка рыжие окварцованные гранодиориты, вскрывая верхушки маломощных кварцевых жил с небольшим содержанием золота. Ждали золота большого, но пока его не было.

Старший геолог партии Володя Соловьёв хмыкнул, пряча в тонких усиках лукавую улыбку:

– Хозяйство ещё не на нуле, но почти... Жить в моей палатке будешь или свою поставишь?

Я решил поставить свою. Облюбовал место на краю посёлка, недалеко от вертолётной площадки. В этот же день смастерил в палатке нары и стол – дело привычное. Раскатал на нарах спальник. Установил печь из тонкого листового железа – такими у нас весь экспедиционный склад в Камешке был завален, на сезон такой печки хватало. Обустроившись, пошёл знакомиться с буровиками.

Свободная смена уже проснулась, готовилась идти на вышку.

– Володя Первов, бурильщик, – представился невысокого роста мужчина, теребящий сосок умывальника.

Разговорились. Он обрисовал мне всю унылую ситуацию с бурением скважин. Но вскоре перешёл на быт:

– Осень приходит, там и зима, а живём на улице. Кормимся сами, столовой всё нет и нет, выбор продуктишек так себе. Перин не умел с начальством разговаривать, интеллигент, грамотный, но тихоня, вот и поплатился. А мы, работяги, расхлёбываем. Это хорошо, что наша бригада терпеливая, к геологии привычная, а так давно бы разбежалась. Да и вторую бригаду пора комплектовать, буровой станок для неё всё лето без дела на площадке лежит...

Вечером вдвоём с Володей Соловьёвым, сидя у меня в палатке, чесали затылки, тёрли лбы, прикидывали, как дальше жить будем.

Володя был прекрасным геологом, всегда работал на поисках, ходил в маршруты. Забайкалец, гуран, как называли там полукровок-казачков, с кривоватыми быстрыми ногами и гладким безбородым лицом, но с тонкими, редкими усиками, он был громким и весёлым человеком. Никогда не унывал. Никакое лихо его не брало. Сoglасился возглавить геологическую службу Фёдоровской партии, оставив любимые маршруты, и окунулся в стационарные оценочные работы, но не унывал, потому что видел перспективы в Фёдоровке. Геолог в нём был превыше всего. Увы, лет через пять, уже без меня, ему изменила жена, сбежала из посёлка с другим, и Соловей, как мы его называли, сломался, стал выпивать, бросил геологию и уехал на родину, устроился куда-то не по профилю.

Но мне досталось счастливое время, когда Володя кипел энергией и идеями. Такими же оказались ещё два моих помощника: буровой мастер Александр Степанович Фаустов и горный мастер Николай Александрович Гизатулин. Хотя едва ли они были моими помощниками, скорее

учителями. У каждого лет по тридцать в геологии, а у меня, почти мальчишки, только пять. Вскоре к нам устроился техником-геологом Олег Умутдинов. Он, холостяк, не рвался с Фёдоровки, и вскоре я начал оставлять его вместо себя, когда вылетал на базу. Олег легко справлялся и с геологической, и с управленческой работой. А там и механик партии Степан Иванович Резник подоспел. Человек непростой судьбы, интеллигентный, спокойный и до тонкостей знающий своё механическое дело, он вскоре стал незаменимым в партии. Горело всё в руках и у бурильщика Володи Никулина. На спор с завязанными глазами он разбирал и собирал небольшие двигатели от водяных насосов и бензопил, мог управлять любым транспортом. Вскоре Никулин окончил специальные курсы и стал буровым мастером. Мы с ним сдружились ещё в прежней, Сакволасской партии, он стал моим другом, и жёны наши дружили. Когда я уехал на Камчатку, Володя перебрался ко мне. Работал буровым мастером, но вскоре трагически погиб. Жена увезла его в родной Междуреченск, похоронила там.

Вот так крепко я обжился на Фёдоровке. И работали мы дружно, хотя работать было совершенно невозможно из-за острой нехватки всего и вся. Поэтому я понимал и до сих пор понимаю героев Владимира Власова. Владимир Аскольдович сермяжную правду написал о геологоразведке своего да и моего времени. Героическое и романтическое было время, но трудное. И оно нас закаляло, делало настоящими людьми. Тогда в геологию многие приходили или в поисках себя, или убегая от себя. Геолог Олег Куваев написал об этом роман «Правила бегства». Но ещё прежде, чем куваевский роман увидел свет, о бегстве человека от себя написал кемеровский поэт Геннадий Юров в замечательной поэме «Борискин ключ».

Кто-то может сказать, что Юров подпортил поэму идеологизмами, о которые нет-нет да и спотыкается читатель. Но я не соглашусь с этим. Автор писал искренне, он был человеком своего времени, оно, а не другое, досталось Юрову, и он описал честно.

Но речь не об этом, речь всё-таки о бегстве к себе. Или от себя. Геннадий Юров с детства был влюблён в романтическое название реки Амгуэмы. Она на Чукотке, течёт в Ледовитый океан. Туда на золотые прииски и уехал однажды поэт. Зачем, почему? А вот прочтите строки из его поэмы «Борискин ключ»:

*И в Заполярной белой дали,
Где Чаунской губы изгиб,
Случалось, люди погибали,
А я, случилось, не погиб.
На полюс льдины провозая,
Вдруг понял я на берегу:
Выходит, от себя бежал я,
А думал, что к себе бегу.*

Туда, в Заполярье, он убежал от себя. Там очистился от наносного и ненужного, там окреп душой. И стал, как назвал позже сам себя, «самым главным геологом на прииске слов». Задиристо, конечно, но он же поэт. И вернулся Юров в Кемерово помолодевшим, многое понявшим в жизни. И всегда помнил о далёкой Амгуэме, переворошившей его поэтическую душу.

Ушла в прошлое геология Власова, как и моя. Сегодня она совсем другая. Но нынешние геологи, если они настоящие геологи, завидуют нам. И хотят знать о нашей геологической жизни, наших маршрутах и наших кострах, наших любовных грёзах и жажде открытий. Ведь открывали рудопроявления и месторождения мы не в кабинетах, сидя за компьютерами, а в поле: в тайге, тундре, горах, степи и пустыне. Ножками ходили. В руках у нас были геологические молотки с длинными ручками – ими удобно колоть камни. А в душах пылала романтика, в сердцах – любовь к нашей замечательной профессии. Современным геологам именно мы собрали живую полевую информацию, которую они внесли в компьютеры и теперь рисуют целые объёмные блоки земной коры, отыскивая полезные ископаемые. Без нас они были бы слепыми. Поэтому и уважают нас, и хотят знать о нас, и читать наши книги. В том числе и давние, увы, забываемые книги Владимира Аскольдовича Власова.

А закончить хочется фрагментом стихотворения камешковского, томь-усинского геолога Владимира Корнюшина. Его давно нет на земле, а стихи помнятся.

*Мы с вами вспомним в трудный час,
Забыв о боли,
О том, что где-то пьют за нас,
За тех, кто в поле.
И легче станут рюкзаки.
Так выпьем, что ли,
За тех, кто в поле, мужики.
За тех, кто в поле!*

Октябрь – ноябрь 2020 г.
г. Петропавловск-Камчатский